

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

Факультет журналистики

Кафедра периодической печати

Вадим Фоминых

**ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
(ЛЕКЦИИ)**

Екатеринбург
1998

Печатается по рекомендации Ученого совета факультета журналистики Уральского государственного университета

Научный редактор: В. Н. Маров, кандидат филологических наук, доцент

Рецензент: В. А. Шандра, доктор филологических наук, профессор

Фоминых В. Н. Публицистическое обозрение: Лекции по курсу. — Екатеринбург: редакционно-издательский центр факультета журналистики Уральского госуниверситета. 1998. — 27 с.

Ответственный за выпуск — кандидат исторических наук Л. М. Макушин

Лекции отпечатаны в редакции газеты «Алапаевская искра». Редактор газеты Л. М. Матвеева, выпускница факультета журналистики УрГУ 1975 г.

I. ВВЕДЕНИЕ.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ЖАНРОВ

Жанр — это выработанная практикой, устойчивая разновидность какого-либо рода творчества. Казалось бы, столь самоочевидного определения можно было избежать, но Ваш покорный слуга намеренно не делает этого, напротив, и в дальнейшем будет стремиться каждый раз фиксировать внимание на точности словоупотребления. Тем более, что в русском языке слова, как и многие термины, вообще многозначны (загляните в толковые словари) и потому часто нуждаются в уточнении смыслового значения, в котором употребляются.

У каждого рода творчества свои жанры: в художественной литературе одни, в музыке другие, в научном исследовании — третьи. Наш разговор о жанрах публицистики. И снова не обойтись без размышления об употребляемом термине. Почему публицистики, а не журналистики? По той причине, что журналистика — понятие очень многозначное. Публицистическая деятельность проявляется в одном — в публицистическом творчестве. Журналистская же деятельность имеет разнообразные функции (организаторские, издательские, коммерческие и т.д.) и не может быть сведена только к литературному творчеству. Более того, творческие каналы журналистики опять же многолики: помимо публицистики можно выделить деловую, религиозную, фантастическую, развлекательную, бульварную и другие журналистики — и каждая отличается от другой не только по тематике, но и по своим творческим (профессиональным) особенностям.

Термин «публицистика», кстати, также не однозначен, употребляется преимущественно в трех разных значениях: как образец журналистского творчества (собственно публицистика), как часть журналистских жанров (наиболее архаичное его значение, но закрепленное лексикой) и как особый род творчества, развивающийся по собственным, имманентным ему законам. [См. подробнее: *Фоминых В.Н. К спорам о публицистике (о трехзначном смысле термина «публицистика») // Журналистика развитого социализма. Вопросы теории и методики. Свердловск, 1980. С. 59-70.*] Нами термин используется в последнем смысловом значении, в котором «публицистика» тождественна термину «социально-политическая журналистика». Это синонимы, они обозначают один круг произведений. В основе той и другой одни законы творчества — публицистические, но термин «публицистика» более адекватен и лаконичен, потому предпочтительнее.

Публицистика — явление глубоко российское. В большинстве стран этот термин не прижился. В нашей стране традиции публицистики достаточно глубоки. Российской публицистике есть чем гордиться: разве можно из нее вычеркнуть имена А.Н.Радищева, В.Г.Белинского, В.Г.Короленко, М.Кольцова, Ю. Жукова, А. Аграновского, И. Васильева, тысячи других «золотых перьев» во всех звеньях СМИ. Богатейшие традиции, выработанные публицистикой — наше профессиональное достояние. Не лишне поэтому определиться, что же такое «публицистика»? Это такой особый род журналистского творчества, который открыто служит интересам общества специфичным именно для этого творчества способом: она всегда является живым откликом на конкретные факты социальной жизни, обращенным к широкому кругу читателей; публицистика предаёт социальные факты огласке в авторской трактовке, формируя о них общественное мнение, через механизм общественного мнения воздействует, с одной стороны, на читателя, его сознание и поведение, с другой — на общественные институты, их решения и действия.

Не могу не заметить, что еще в доперестроечное время наша журналистская наука интенсивно разрабатывала так называемую общую теорию публицистики, на вооружение которой взята система общеметодологических категорий (функция, предмет, метод, содержание, форма). Через призму этих категорий ею рассматривалась специфика публицистического творчества. Несмотря на дискуссионность теории, которая сохранилась, категориальный подход в исследовании публицистики оказался весьма плодотворным. Он применим не только к публицистике в целом, но и в изучении ее жанров, каждого в отдельности. Такой подход не противоречит традиционному, зато, на мой взгляд, позволяет оттенить особенности жанра, его отличия более выпукло, очевиднее.

Взять, скажем, заметку и очерк, корреспонденцию и рецензию, интервью и обозрение — жанры такие разные, не похожие один на другой, но ведь их что-то объединяет, если они относятся к одному виду творчества. Что же? Так, с ходу, пожалуй, и не ответишь, задумаешься не на шутку, ответ не лежит на поверхности, но он есть. Ключик к нему дает как раз избранный нами категориальный подход: все эти жанры рождаются по одному признаку — по предмету публицистического творчества.

Каков же его «предмет познания»? Речь идет именно об этой

общеметодологической категории, ее научном толковании. Понять его можно лишь в паре с другой категорией — «объектом познания». Объект — это то, что существует вне нас, независимо от нас; это то, на что направлена познавательная деятельность. Предмет же познания — это избранный аспект вычленения объекта, познание именно этих его свойств и сторон с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах. Один объект может иметь разные предметные вычленения. К примеру, такой сложный объект, как «человек», изучается разными науками, причем каждая из них в нем имеет свой предмет познания: анатомия занимается строением человека, физиология — жизнедеятельностью организма, функциями его органов, медицина — предупреждением и лечением болезней, укреплением здоровья, психология — психической деятельностью человека, мотивами поведения и т. д.

Объектом познания публицистики (с этим никто не спорит) является жизнь общества, во всех ее проявлениях. А предметом познания... В этом вопросе, к сожалению, еще не устранены разночтения. Множество высказываний исследователей журналистики можно свести, на мой взгляд, к трем точкам зрения: одни предметом публицистики считают «социальные факты», другие — «социально-политический аспект действительности», третьи — «социальные ситуации». Как правило, приверженцы одного взгляда не принимают другие. А зря. По нашему мнению, выделенные черты предмета не противоречат, напротив, дополняются один другим, взятые вкуче они выражают предмет познания публицистики наиболее полно. Его можно сформулировать так: предметом публицистики являются социальные факты, взятые в их социально-политическом аспекте, выраженном через ситуационные связи и зависимости факта.

Рассмотрение публицистики и ее жанров через призму категории «предмет» чрезвычайно важно, поскольку вносит ясность в коренные проблемы творчества. Дело в том, что и раньше, и теперь возможна и на практике встречается утрата предметной особенности публицистики, особенно в случаях, когда автор выступления либо подменяет факты общими рассуждениями, либо ограничивается их простой констатацией — и то, и другое противопоставлено публицистическому творчеству. «Предмет существует в объекте, как *возможность*, — писал профессор Е. П. Прохоров, — и эта возможность реализуется, становится *действительностью*, действительным предметом

познания лишь в результате познания предмета как такового». [*Прохоров Е. П. Публицист и действительность. М., 1973, с.159.*]

Итак, по «предмету» жанры между собой не различаются, в нем «запрессована» такая их особенность, которая является общей для публицистического творчества. Утрата этой особенности в любом конкретном выступлении, в любом жанре всегда «чревата». По «предмету» отличается один род творчества от другого (публицистика, к примеру, от художественной прозы, от научных исследований и т. п.) К сказанному нельзя не добавить: нами категория «предмет» рассматривалась в научном смысле, который значительно отличается от общепринятого употребления этого слова, закрепленного в лексике. В повседневном общении между словами «объект» и «предмет» различия обычно не делается, они используются как синонимы. По этой причине, к глубокому сожалению, нередко и в научной (а также учебной) литературе встречается неоправданная подмена одного термина другим, объекта — предметом и наоборот.

После сказанного, пожалуй, можно обратиться непосредственно к рассмотрению особенностей публицистического обозрения.

II. ЖАНР «ОБОЗРЕНИЕ», ЕГО ФУНКЦИИ

Жанр «обозрение» никем не придуман, он насчитывает десятилетия своего существования, вспомним блестящие обозрения В. Белинского, И. Эренбурга, многих других мастеров пера. Сменялись исторические эпохи, но и при царизме, и при тотальном социализме, и в наше непредсказуемое время исправно служил и служит, причем и левым, и правым одинаково. Этому не стоит удивляться: не только обозрение, и другие жанры публицистики ведут начало чуть ли не с истоков самой журналистики, также не претерпев разительных перемен. Жанр — это очень устойчивая разновидность, наиболее консервативная сторона творчества, труднее всего поддающаяся изменениям. Парадокс? Конечно, но всему есть объяснение. Жанр может быть уподоблен «чистой структуре», которая каждый раз наполняется новым содержанием — вот в этом-то пределов нет, в умелом талантливом использовании жанров простор безграничен, здесь перед авторами открывается истинная свобода творческим поискам и новаторству.

Особенности жанра «обозрение», как любого другого, можно увидеть

через призму двух общеметодологических категорий: через его *функции* и *метод* отражения действительности.

Категория «*функции*» означает назначение деятельности, цели творчества. Жанры возникли в процессе непосредственной практики, востребованы общественной и соответственно — творческой практикой. Каждый жанр имеет свое социальное назначение. Корреспонденция, скажем, предназначена для воспроизведения как бы «кусочка жизни», раскрывает причинно-следственные связи конкретных фактов. Функция статьи, напротив, обращена к масштабным процессам жизни; выражает редакционную точку зрения (передовая), разъясняет смысл современных знаний и идей (пропагандистская), вскрывает острейшие жизненные противоречия (проблемная). *Обозрение* также имеет четко выраженную свою функцию: оно отвечает человеческой потребности, пройдя какой-то путь, оглянуться назад, обозреть его, дать отчет себе и читателю *о пройденном, о прожитом, о пережитом*. Эти слова мною выделены намеренно. *Обозрение* относится к группе аналитических жанров, его автору недостаточно просто обозреть, в смысле: перечислить события, важно их проанализировать, вскрыть смысл происходящего. Подчеркнутыми выше словами характеризуется в определенной мере глубина возможного анализа.

Нельзя, например, исключить из практики такие обозрения, которые лишь восстанавливают, воспроизводят события, систематизируют случившееся. Они тоже имеют право на существование, их воздействие на читателя определяется прежде всего самими фактами, предложенными автором, тем, насколько они социально значимы для читателей. В «Уральском рабочем» [*Безрадостное продолжение зимних каникул // Уральский рабочий. 1997, 14 января*] опубликовано обозрение, в котором повествуется о том, что «педагоги семи районов и городов области поддержали всероссийскую забастовку учителей»: месяцами они не получают зарплату, не представляют, как жить дальше. В белоярскую школу № 12 за два месяца поступило 25 больничных листов, хотя весь «учительский коллектив состоит из 28 человек. Основные причины — недоедание, авитаминоз, переутомление». В обозрении только подбор фактов, но фактов «кричащих», и тем оно и впечатляет.

Функциональная значимость обозрения, конечно же, возрастает по мере углубления журналистского анализа. Главное в работе обозревателя — осмысление фактов действительности, обдумывание

житья, выработка собственного отношения к происходящему. Как отмечено раньше, предметом познания журналиста становится социальный аспект фактов, их ситуационные связи и зависимости, но факт — это вообще особый феномен, он может быть интерпретирован самым различным образом, даже прямо противоположно: все зависит от того, из каких ценностей исходит автор, какова его (и редакции) жизненная позиция. Истина одна, а «правд» много. Глубина анализа в обозрении обусловлена тем, что увидел автор, что им сказано читателю. Обозрение о прожитом, о пережитом не ограничивается простым восстановлением фактов случившегося, обязательно содержит авторские откровения, не оставляющие читателя равнодушным к сказанному.

Интересно в этом смысле обозрение «В России берут все». [*Корольков И. В России берут все // Известия. 1996, 15 декабря.*] Поводом для него послужило следственное дело о коррупции высокопоставленных чиновников Санкт-Петербурга. Автор легко мог увлечься самим делом, но повернул разговор в другое русло: следствие вероятнее всего прикроют, показывает автор, не потому даже, что у чинов — «длинные руки», а из-за того, что в северной столице не нашлось службы, свободной от коррупции, его некому довести до конца. Работники Управления по борьбе с экономической преступностью (УБЭП), начавшие следствие о системе мздоимства (подкупов) в городской мэрии (начиная с бывшего мэра А. Собчака), оказались сами не безгрешны — приторговывают, преступая закон, конфискованным имуществом. Не устояли перед взятками (незаконным предоставлением квартир) ни городской прокурор, ни шеф ФСБ. «Замкнутый круг, — пишет известинец, — который, как петля на шее, душит Россию». Как видим, благодаря пытливому аналитическому труду автора, это обозрение вынесло на суд общественного мнения такие факты, над которыми нельзя не задуматься.

В обозрениях, аналитических по своему характеру, хотелось бы выделить еще одну — высшую в профессиональном смысле слова степень функциональной особенности жанра — способность журналиста «видеть умом». Признаемся, эта идиома, парадоксальная по содержанию, не нами придумана, заимствована у В.Белинского. «Было время, — писал он, — когда журналы в Европе по преимуществу назывались «зрителями»; теперь имя «обозрений» (*revues*) осталось за ними исключительно... эта перемена как нельзя лучше характеризует

собой две эпохи: одну, когда люди только *созерцали* и *смотрели* на жизнь как на занимательный спектакль, и другую, когда люди уже не довольствуются тем, что смотрят глазами, а хотят вместе с тем смотреть и умом». [Белинский В. Г. Полн. собр. соч., в 13 томах. М., 1955, т. 6, с. 512.] Разумеется, высказывание критика относится к журналам, но аналогия с жанром «обозрение», на наш взгляд, тут уместна.

К таким обозрениям, с известной долей условности, можно отнести публикацию «Рюмка водки с мухой на закуску». [Терлецкий В. *Рюмка водки с мухой на закуску* // *Уральский рабочий*. 1997, 4 января.] Журналист пишет, что, как всю Россию, нас «захлестнул алкогольный «девятый вал». Мы если не сопьемся, то наверняка отравимся». В области, сообщает он, бракуется до 80 процентов продаваемой водки, в борьбу с «паленкой» включен десяток организаций, они не бездействуют: ликвидировано 119 подпольных цехов, одним ОБЭПом изъято у торговцев более 230 тысяч литров спирта и фальшивой водки. Автор, с одной стороны, как бы вступает в общий хор прессы о необходимости восстановления государственной монополии, но, с другой стороны, не верит в такую возможность, доказывает, что все предпринимаемые меры ничего не меняют. Так исподволь журналист подводит читателя к мысли: государство делает что-то не то, и не так, но это его вполне устраивает. Трактовка, что и говорить, неожиданная, конкретными доказательствами не подтвержденная, но нам здесь важно подчеркнуть другое: в своем обозрении автор «увидел умом» больше, чем дано в фактах.

Позволю себе еще одну иллюстрацию — пятилетней давности. Она тем и интересна, что по истечению лет сказанное полностью подтвердилось, автор смог увидеть умом то, что большинству тогда было еще спорно и не ясно. Речь идет об обозрении «Что Ельцину надо?» [Костюков А. *Что Ельцину надо?* // *Мегаполис-Экспресс*. 1993, 3 марта.] Напомню, что это было время жесточайшего противостояния между президентом и «хасбулатовским» парламентом. Дело дошло до того, что Б. Ельцин, огласив «Обращение к народу», покинул VII съезд Советов (декабрь 1992). В апреле ожидался референдум. Автор пишет: «Ельцин сказал: надо срочно посоветоваться с народом, вопрос не терпит отлагательства! Проходит два с половиной месяца, референдум уже на носу, все ждут: где же вопрос? Оказывается, президент еще не сформулировал. Оппозиция ерничает: может он еще не знает, чего хочет? Версия сомнительная. Наверняка знает.

Другое дело — как сказать. Скорее всего, это главное, чем он мучается, — как сказать просто и прямо то, о чем до сих пор говорилось темно и путано». Далее автор разоблачает мифы о «конституционном кризисе», о «прогрессирующем консерватизме парламента», о чем тогда все шумели, и подводит к мысли: «Язык наш богат и гибок, однако мало кто сомневается, что речь идет о том, чтобы конституировать авторитарное правление... Нужен России такой государь или нет — вот что хочет, но стесняется спросить у народа Борис Ельцин». И здесь, как и в предыдущем случае, автор обозрения, без сомнения, «увидел умом» много.

К этому обозрению и другим, рассмотренным выше, мы еще вернемся в дальнейшем, а сейчас позвольте провести различие между жанрами «обозрение» в двух разных видах творчества: в публицистике и деловой журналистике. Именно к последней относится обозрение «Проценты, которые мы выбираем». [*Власов О. Проценты, которые мы выбираем // Уральский рабочий. 1997, 10 января.*] Читателей волнует, «кому доверить свои сбережения в наступающем году». Редакция откликнулась на просьбу, но сразу же оговорила, что не берет на себя смелость назвать самый выгодный вклад: «окончательный выбор, — пишет она, — остается за вами, уважаемый читатель». Далее бесстрастно перечисляются условия рублевых и валютных вкладов в четырех банках. К примеру, «Уралтрансбанк» принимает депозиты начиная с суммы 500 тысяч рублей. При сумме вклада от 500 тысяч до 5 миллионов и сроке 100 дней банк начисляет 29 процентов годовых» и т. д. Редакция могла и не оговариваться: в обозрениях деловой журналистики не может быть места личностному отношению автора к сообщаемым фактам. *Это различие принципиальное.*

III. МЕТОД ЖАНРА «ОБОЗРЕНИЕ».

ПОНЯТИЕ ОСНОВНОГО ЖАНРОВОГО ПРИЗНАКА

Этот раздел, пожалуй, самый главный. Понятие «метод» раскрывается словарями по-разному, в том числе: как определенным образом упорядоченная деятельность; как прием, способ, образ действия. Терминологическое сочетание, которое нами вводится, *«метод жанра»*, означает следующее. Жанры отличаются друг от друга, прежде всего, *методом отражения* социальной действительности, то есть разным способом (приемом) использования фактов в том или ином жанре.

Но сначала о том, какой же метод внутренне присущ публицистике? *Во-первых*, ее на полном основании называют литературой факта: она, как уже отмечено, предметно обращена к исследованию социальных фактов (поиск, добыча фактов и их осмысление — повседневное профессиональное дело любого журналиста); она и текстуально в каждом выступлении строится на фактах (сообщает, обосновывает, опровергает, полемизирует фактами же — незаменимым инструментарием публициста).

Во-вторых, уместно, на наш взгляд, ввести еще одно понятие — понятие основного жанрового признака. О чем речь? Каждый жанр характеризуется исследователями несколькими, присущими ему особенностями, но среди них, оказывается, можно выделить одну, без которой жанр как таковой вообще состояться не может. Этой особенностью как раз и является метод отражения действительности, свойственный именно этому жанру прием использования фактов в тексте произведения. Любой жанр публицистики строится на фактах, но используются они по-разному.

По основному жанровому признаку все жанры можно разделить на две группы: *осевые* (в них признак выражен четко) и *синтетические* (в них он кажется несколько «размытым» — но лишь кажется; по существу он синтезировался из признаков осевых жанров). Обратимся для иллюстрации к группе информационных жанров. «Заметка» относится к числу осевых, в ней жанровый признак очевиден — сообщение фактов (мыслимо ли представить заметку, в которой никаких фактов не сообщается?). Остальные информационные жанры относятся к синтетическим: они также сообщают факты, но каждый по-своему. «Репортаж», например, подает факты таким образом, что создает эффект присутствия. Суть основного жанрового признака интервью в ином: выразить отношение интервьюируемого к обсуждаемым (сообщаемым) фактам. «Отчет» — тоже сообщение фактов, но как бы запротоколированных автором.

Обзорение относится, наряду с заметкой, к осевым жанрам; их пять: корреспонденция — анализ фактов, заинтересовавших автора (о какой корреспонденции можно вести речь, если никакие факты в ней не анализируются); *статья* — определенная авторская мысль (идея), ее строгое развитие (мысль эта, разумеется, «не падает с неба», подсказана фактами, реалиями жизни; автор, развивая ее, опирается на факты же, близки и понятны читателю), и, наконец, «очерк» — в

нем основной жанровый признак выражен в публицистическом образе (не поднялся автор до воссоздания образа своего героя, не состоялся и очерк как жанр).

Чем же своеобразен основной жанровый признак *обозрения*? Думаю, наиболее ясно и полно его суть выразил профессор Е. П. Прохоров. «От всех других жанров, — писал он, — публицистическое обозрение отличается то, что здесь главную роль играет система фактов, что в этом жанре факт — не только база и опора при доказательстве и анализе, но и в первую голову само доказательство». [*Прохоров Е. П. Публицистическое обозрение. М., МГУ, 1967, с. 20.*] В этом определении, как видим, выделены два чрезвычайно важных обстоятельства. Первое — характер используемых в обозрении фактов: «само доказательство». Такие факты, по нашему мнению, правомерно называть «фактами-аргументами»: они менее всего сводятся к иллюстрации, они и не столько опора для авторской мысли (как в статье), их назначение — быть самим доказательством авторской мысли. Второе, — эту свою роль «доказательства» они наилучшим образом выполняют, когда употребляются не в одиночку (хотя такое полностью не исключается), а сведены автором в систему, сгруппированы вместе. Обратимся к примерам. В цитированном выше обозрении «Что Ельцину надо?» [*Костюков А. Что Ельцину надо? // Мегapolis-Экспресс. 1993, 3 марта*] автор еще пять лет назад «умом» увидел, что президенту захотелось «поцарствовать». Его авторская мысль «зависла» бы в воздухе, если бы не была соответственно аргументирована. Автор мастерски использует присущий обозрению метод — систему фактов-аргументов. Посмотрим, как он это делает.

«Отдельная сага, — пишет он, — «перерождение депутатского корпуса», «прогрессирующий консерватизм парламента»... В интересах дела надо освежить кое-какие факты.

В июне 1990 года Борис Ельцин получил под начало парламент, который был по идее неработоспособен, поскольку сторонники и противники председателя были поделены фифти-фифти. Но, к всеобщему удивлению, Верховный Совет заработал и проявил чудеса послушания. Декларация о суверенитете РФ, постановление о деполитизации силовых структур, «500 дней» — программа похлеще гайдаровской, — все шло почти на ура. Был, правда, бунт «шестерки» членов президиума, но съезд (!) встал горой за Бориса Николаевича

Н. Сванидзе «Зеркало». Они собирают большую аудиторию, хотя ведут речь о событиях уже известных телезрителям из ежедневных новостей. Сгустки фактов-аргументов в обозрении только тогда имеют ценность, когда они значимы в той теме, которая предложена автором.

IV. ЕМКОСТЬ ЖАНРОВЫХ СРЕДСТВ

Речь идет еще об одной особенности метода жанра «обозрение». Все исследователи сходятся на том, что в обозрениях широко используются разножанровые средства: информационные (сообщения фактов), корреспондийные (анализ факта), статейные (идея автора, ее развитие), очерковые (публицистический образ), рецензионные (оценка фактов) и другие, без каких-либо ограничений. Ну и что, скажете вы, разножанровые средства можно встретить в любом жанре. Действительно, взаимопроникновение жанров — распространенное явление, между ними нет непреодолимого водораздела. Не часто, но случается, что по этой причине бывает затруднительно определить жанр, в котором выполнено произведение. И все же, в любом жанре (корреспонденции, статье, очерке, рецензии, интервью...) разножанровые средства не носят обязательного характера, и можно легко обойтись без них. В жанре же обозрения они обязательны — *в этом его принципиальное отличие от всех других. Без разножанровых средств в нем обойтись нельзя.*

Понятно, что столь категоричное утверждение требует обоснования. Вопрос, почему обозрение так емко вбирает в себя разножанровые средства, занимал многих его исследователей, и ответы давались разные. Сошлемся, в частности, на точку зрения Е.П. Прохорова [*Обозрение // Теория и практика советской периодической печати. М., 1980, с. 304, 306*], который полагал, что в поле зрения обозревателя попадают разнотипные явления жизни, в силу чего он «вправе (в зависимости от того, какие факты, события, поступки отобраны для произведения) пользоваться любыми из тех форм отображения, какие свойственны всем другим жанрам публицистики» и чуть ниже добавлял: «но это не делает соответствующую часть, например, статьей или памфлетом». Не могу согласиться с таким объяснением по той причине, что «факт, событие, поступок» не обладают жанрообразующими свойствами: об одном и том же факте, (событии, поступке),

можно писать, используя самые разные жанры в зависимости от их функции, то есть от целей, поставленных автором перед собой. Встречаются и другие объяснения названной особенности обозрения. В частности, некоторые исследователи отмечают, что использование разножанровых средств в нем значительно расширяет творческие возможности подачи авторского материала. С таким наблюдением трудно не согласиться, но тогда оно в равной мере может быть отнесено и ко всем другим жанрам.

Так в чем же дело, почему обозрение не может обойтись без разножанровых средств? Ответ на этот вопрос, полагаю, надо искать в своеобразии присущего этому жанру основного жанрового признака. Разножанровые средства в обозрении используются для изложения фактов таким образом, что они превращаются в доказательство авторской мысли. Возможности такой намеренной подачи фактов в обозрении безграничны. Достаточно вспомнить уже рассмотренные нами примеры. Так, в публикации «Чего Ельцину надо?» автору достаточно показался информационный прием: сообщение всем известных фактов, но сведенных в систему, изложенных в определенной последовательности; в обозрении же «В России берут все» автор, в частности, использовал корреспондентский прием: случай коррумпирования вскрыт через анализ причинно-следственных связей, прозвучавший в откровении бывшего начальника ГУВД. Итак, факт сам по себе никакого «аргумента» в себе не содержит, он превращается в аргумент, если автор излагает его соответствующим образом, используя для этого те или иные жанровые средства. Взять, скажем, очерковый прием (публицистический образ). К нему прибегают реже, но он тоже может быть использован мастерски. Возьмем, к примеру, обозрение «Погиб Дмитрий Холодов. Прошло девять дней...». [*Меганполис-экспресс*. 1994, 26 октября.] Автор, показывая события, происшедшие сразу после гибели журналиста, размышляет о виновниках его смерти и подводит читателя к мысли: «мы об этом не узнаем никогда», добавляя: «если к теракту в «МК» действительно причастны сильные мира сего». Эта мысль ненавязчиво появляется уже в зачине обозрения, в котором автор умело прибегнул к использованию публицистического образа:

«По христианским канонам, расставшись с телом, душа умершего еще девять дней невидимкой блуждает среди живых. Если так, то минувшую неделю Дима Холодов, которого

и стер мятежников в порошок. Во время президентских выборов большинство депутатов были доверенными лицами в своих округах. Август 91-го — президент и парламентарии разве что не целуются. Президент запрещает КПСС — парламент («заповедник партноменклатуры») рукоплещет.

Ноябрь 1991 года. V съезд — пиковая отметка в любовных отношениях между президентом и депутатами. Президент объявил о начале радикальной экономической реформы — одобрили не глядя, попросил право самостоятельно составить и возглавить правительство — разрешили. На этом съезде Ельцин имел более двух третей голосов — Миттерану с Клинтоном не приснится.

Между V и VI съездами старая дружба дала трещину. Это случилось неожиданно, многие думали: затянется, но трещина все ползет и ползет, ползет — и вишь, и вглубь.

На VI съезде за президента было «неустойчивое большинство», депутаты поставили ему «неуд» за реформу и едва не свалили правительство. Каков был VII съезд — у всех на памяти, теперь президент не имел и твердой трети голосов. Потерять за год половину сторонников — это, бесспорно, большая драма».

Прервем эту пространную цитату. В ней, как видим, одни факты, никаких рассуждений, а авторская мысль кристально прозрачна: изначально консервативный парламент, на деле горячо поддержал начинания Б. Ельцина; отношения сломались, когда объявленная реформа обернулась гайдаровской либерализацией цен. В тексте только факты, но факты «стреляющие», ставшие не только выражением, а и самим доказательством авторской мысли. Кстати, приведенные автором факты не были новы для тогдашнего читателя, но сгруппированные в определенной последовательности, сведенные в систему они паразитировали новизной мысли.

Несколько слов в дополнение к подмеченной нами особенности фактов-аргументов: вроде не новы читателю, а «заговорили». Новые факты, добытые автором из источника, известного очень узкому кругу людей, по сути не-доступные (без автора) широкому читателю, всегда ценны, в любом газетном выступлении, в любом жанре и, конечно же, в обозрении. Ранее упоминавшееся нами обозрение «В России берут все» [Корольков И. В России берут все // *Известия*. 1996,

15 декабря] целиком построено на таких фактах (почерпнутых автором из следственного дела, встреч с участниками событий). Публикация, конечно же, интересна читателю уже тем, что содержит первичную (новую) информацию, сообщенную автором. И все же — на этом акцентируем особо — для жанра обозрения главное состоит в том, чтобы и эти факты стали аргументами авторской мысли. Сквозная мысль данного обозрения: коррупция «как петля на шее, душит Россию». Обратимся лишь к одной связке фактов-аргументов, использованных в нем. Автор сослался на откровения бывшего начальника ГУВД Санкт-Петербурга о том, как начали строить жилой дом для сотрудников в доле с двумя организациями, а те вдруг отказались от участия.

«Жаль было терять дом, но где взять 20 млн рублей? По тем временам это были большие деньги. Обратился в один из коммерческих банков. Его руководитель согласился помочь, но поставил жесткое условие: несколько квартир я буду обязан выделить тем сотрудникам управления, которых укажет глава банка. Все названные им офицеры уже были обеспечены жильем. Возникает вопрос: за какие такие услуги банк хлопотал о сотрудниках ГУВД, занимавших в нашем ведомстве весьма ответственные посты. И все же я пошел на сделку. Считаю, что с одной стороны поступил правильно: помог полтора десяткам сотрудников с жильем. Но с другой стороны, конечно же, меня использовали в каком-то неблагоприятном взаимозачете».

Как видим, и в этом обозрении факты повернуты так, что работают на авторскую концепцию. В обозрении в качестве аргументов способны «звучать» не только новые, но и всем известные факты поновому. Публицистическое мастерство обозревателя проявляется тогда, когда автор пишет о фактах, с которыми люди сталкиваются ежедневно, но вдруг поворачивает их так, что они становятся для читателя откровением, словно он их увидел заново. Свойство это принято называть журналистским видением жизни. Обозрение — жанр не простой, требует высокой профессиональной квалификации, а проявляется она в том, что обозреватель видит в событиях больше, чем дано, подает их так, что не оставляет читателя (зрителя) равнодушным, заставляет задуматься. Разве не этими качествами привлекают нас недельные политические обозреватели Е. Киселев «Итоги»,

сегодня достаточно назвать по имени, оставался среди нас. Наблюдая всеобщую обескураженность, подавленность, отчаянные попытки коллег умозрительно «вычислить» убийцу. И лишь сегодня покидает сей мир окончательно и бесповоротно, постигший теперь ответы на все вопросы бытия, знающий все — о себе, своих друзьях и врагах, но не властный выдать на прощанье хотя бы крошечную подсказку: что все-таки произошло в роковой для него день и кто конкретный виновник в его трагической гибели? Увы, обратной связи с потусторонним миром пока не установлено».

Этот образ витающей среди нас души Димы сразу настраивает читателя на поиск ответа об убийцах, которые, как предсказывал автор, не названы и сегодня.

Емкость в обозрении разножанровых средств, как видим, — результат их диалектического взаимодействия с основным жанровым признаком, способ реализации в тексте фактов как аргументов.

V. ВИДЫ (ФОРМЫ) ОБОЗРЕНИЙ: ОБЩИЕ, ТЕМАТИЧЕСКИЕ, ОСОБЫЕ

Категория «формы», если, обратиться к толковым словарям, синонимична «виду», толкуется как «наружный вид», как «внешнее очертание». Правильнее было бы вести здесь речь о «формах», но в журналистской лексике прочнее закрепилось слово «виды», поэтому мы вправе вынести в заголовок раздела оба термина, отдавая предпочтение более устоявшемуся.

Деление обозрения на виды позволяет оттенить его особенности, носящие внутрижанровый характер. Главное состоит в правильном выборе основания для такого деления. Единого основания для всех жанров не существует, для каждого оно свое и определяется спецификой самого жанра. Обозрение — жанр «всеядный», невозможно выделить такую сферу жизни, в которую бы он не вторгнулся. Вследствие своей универсальности обозрения в теории и журналистской практике принято делить на виды по признаку «объекта» выступления.

Обозрение по признаку «объекта» делятся на общие, тематические и особые.

Общие обозрения. К ним относятся те, объектом выступления

которых является социально-политическая жизнь непосредственно, как таковая. До сих пор нами рассматривались преимущественно общие обозрения: «Что Ельцину надо?», «В России берут все», «Погиб Дима Холодов» и другие. Они потому и общие, что обращены к острейшим социально-политическим проблемам, которые, в конечном счете, касаются интересов всех граждан. В каждом из них воссоздается достаточно широкая панорама по конкретному вопросу социально-политической жизни общества.

Тематические обозрения. Человеческая деятельность чрезвычайно разнообразна, интерес читателей не может быть ограничен лишь ее политической стороной, им не чужды и другие сферы общественной жизни. Этой потребности отвечают тематические обозрения. Диапазон тем таких публикаций чрезвычайно широк, в практике встречаются обозрения на международные, экономические, научные, культурные, спортивные..., неблагоприятное это занятие — пытаться перечислить все темы, их круг просто неисчерпаем.

В областной газете напечатано обозрение «Опять «великолепные кошунства»?». [*Порошина М. Опять «великолепные кошунства»? // Уральский рабочий. 1997, 8 февраля.*] Чему оно посвящено? Теме культуры? Нет, даже неловко произносить это слово по поводу замеченного и высвеченного наблюдательным автором: в нашем непредсказуемом сегодня, чтобы стать популярным, не надо что-то созидать, достаточно «лишь нарушить некоторые правила, нормы поведения, общественные приличия — и дело сделано». Так, высокий рейтинг одной телепрограммы создал «шокирующий «новояз»: любовно и подробно снятые трупы, эксклюзивные герои-бомжи, алкоголики, проститутки... И противно смотреть, и любопытно». Такого рода «великолепные кошунства» в последнее время, оказывается, все чаще становятся достоянием общест-венности. На презентации в музее выставки двух художников — «один из творцов, разъясняя собравшимся искусствоведам и журналистам (по большей части женщинам) свое видение жизни, виртуозно матерился» В библиотеке имени Белинского состоялась лекция «человека-собаки», а в стенах архитектурной академии некий господин при большом стечении народа «обнажил свою некрупную, но упругую плоть» (цитата из телепередачи), короче говоря, снял штаны. И в этом виде излагал текст, имеющий отношение к искусству...» Даже столь беглый пересказ

конкретной публикации — убедительное свидетельство того, насколько широк тематический разброс обозрений.

Общие и тематические обозрения часто имеют вполне определенные временные (сто дней, за последнее полугодие...) и пространственные (в стране, регионе, на железной дороге...) рамки. Но могут и не иметь их. Это обстоятельство, часто подчеркиваемое в литературе о жанре, на наш взгляд, не играет принципиальной жанрообразующей роли, потому мы не останавливаемся на нем подробно.

Особые формы обозрения. В чем особенность их объекта отражения? Каждый автор в них имеет дело с фактами, происходящими не в самой социальной действительности, а с уже отраженными в человеческом сознании — в письмах, газетных выступлениях, в художественных произведениях, в кинофильмах и т. п. По своему содержанию они также «всеядны», могут быть посвящены любой теме.

По сложившейся традиции большинство особых обозрений (литературные, театральные, кино, музыкальные, эстрадные и другие) изучаются в разделах, посвященных отображению в СМИ литературы и искусства, совместно с такими жанрами как рецензия, библиографические заметки и другими. В этом нет ничего предосудительного, слишком специфичен мир реалий, отраженных сознанием. Не будем отказываться от сложившихся традиций, остановимся лишь на двух особых обозрениях: «обзоре писем» и «обзоре печати».

Обзор писем. Ценность письма в редакцию в том, что это составная часть прямого потока общественного мнения. Но в последнее время, как известно, отношение редакций к письмам кардинально изменилось. Полностью исчез «священный трепет» к письму, какой был раньше, когда даже утеря письма грозила сотруднику чрезвычайными неприятностями. Нынче редакции открыто заявляют, что не обязаны отвечать на письма, тем более вести расследование по каждому. Это понятно, ведь газеты не относятся к административным властным инстанциям, не полномочны сами разрешать и реализовывать читательские жалобы и предложения. С одним нельзя смириться, с тем, что у журналистов появилось холодное отношение к письму, которое всегда было и сегодня остается бесценным источником фактов, конкретных адресов, проблем, волнующих людей.

Письма, как известно, используются в прессе как самостоятельный жанр эпистолярной публицистики. Они же представляют живой интерес и как особый объект для обозревателя.

В чем особенность письма в газету? В сугубо *личностном* характере. От него никто не ждет глубоких экономических, политических и других выкладок, ссылок на законоположения. Письмо ценно личной реакцией его автора на факты, с которыми пришлось столкнуться и которые не на шутку взволновали, всплеском его чувств, душевных переживаний, нахлынувшего настроения. Именно этим своеобразием письма вызван к жизни особый вид обозрения — «обзор писем».

Вот, к примеру, обзор писем «Все обмануты — никто не виноват» [*Уральский рабочий. 1996. 17 сентября*], который берет за душу читательскими откровениями:

«Мы медленно умираем от голода, от недоедания, — кручинится Л.Ф.Дробнова из Североуральска. — Моей пенсии хватает разве что на хлеб и на картошку... Конечно, я бы пошла работать, но у меня в трудовой книжке написано: «Уволена по состоянию здоровья». С таким клеймом нигде не берут».

Здоровье свое, — комментирует журналистка Т.Бурова, — Людмила Федоровна потеряла, между прочим, не на гулянках, а на производстве: 22 года отработала сварщицей — шутка ли для женского организма! И теперь ее гложет обида и разочарование: за что, за какие грехи обошлись с ней столь несправедливо? Почему государство ведет себя столь неблагодарно, позволяя честным труженикам пропадать от голода и нищеты? Ох, если бы нам с вами удалось найти ответ на этот вопрос».

Читательские письма, как видим, позволили газете не обходить наблевшее, писать о нем, не впадая в ложный пафос. Не умолчу еще об одном читательском свидетельстве в затронутой теме:

«У нас в деревне и в соседних тоже, — признается Ф.Губайдуллин из Красноуфимского района, — многие не желают получать свидетельства на землю. Опасаемся, вдруг готовится очередной подвох, как с ваучерами в свое время? Ведь рабочие, пролетарии не стали владельцами своих заводов и фабрик. Да и жизнь их с приходом хозяина-частника не улучшилась — вечно без зарплаты сидят. Вот и мы боимся получить на свою шею барина-помещика... Не верим мы в добрые помыслы властей, не верим».

Можно порадоваться, что областная газета «Уральский рабочий»

не утратила добрую традицию — живой интерес к читательскому письму: каждую неделю в ней на открытии второй полосы встретишь двухколонник писем или их обзор.

Обзор печати. Это название обозрения лексически закрепилось за ним, хотя, конечно же, оно в равной степени посвящается обзору радио- и телепередач. В разговоре об обзоре печати нам не обойтись без краткого исторического экскурса. Известно, что не так давно, несколько лет назад он функционировал как самостоятельный жанр: естественно, со своей, ему присущей функцией (быть средством партийного руководства СМИ) и с соответствующим ему методом (использованием системы фактов-аргументов для рекомендаций редакциям). Исторически обзор печати как жанр возник из потребности консолидации возрождающейся на заре XX века так называемой печати нового типа. Первые обзоры появились в ленинской «Искре». Тогда жанр синтезировался, отпочковавшись от жанра обозрения; потом десятилетия они существовали параллельно, и, наконец, когда необходимость в обзоре печати как жанре отпала (вместе с утратой КПСС своих властных государственных функций), он не исчез совсем, а вернулся в лоно жанра обозрения в качестве его особого вида.

Почему обзоры печати сохранились как вид обозрения? Дело в том, что они отвечали также потребности журналистов в профессиональном общении, которая не утрачена и сегодня.

Конечно, при переходе самостоятельного жанра в особый вид обозрения в обзоре печати произошли некоторые изменения: он перестал иметь директивный характер, исчезли виды обзора высокой директивности (так называемые «Общий обзор» и «Из последней почты»); но сохранились, например, обзоры малых форм, казалось бы не свойственные жанру обозрения, несколько выпадающие из общего ряда: к ним относятся обзоры печати, посвященные отдельным фактам из практики СМИ.

Так, телевизионные «Итоги» начали расследование о коррупции в верхах российского правительства в бытность О.Сосковца первым вице-премьером. «Известия» в обзоре печати малой формы [*Бергер М. Чем закончится телевизионный «бенефис» бывшего первого вице-преьера? //Известия. 1997, 21 января*] горячо поддержала инициативу тележурналистов, напомнив, что со второй половины 1993 года сама газета опубликовала больше десятка статей на эту тему. Разница состояла лишь в том, что тогда О.Сосковец был еще действующим, а

не отставным вице-премьером. «Очень не хотелось бы, — говорится в конце обзора, — чтобы телевизионный сериал закончился тем же, что и известинский на эту же тему. То есть ничем».

Обзоры печати (как и другие обозрения особого вида) обладают еще одной особенностью: они имеют два адреса — к автору публикации и к широкой аудитории. Оба адресата равнозначны, непростительно упускать ни тот, ни другой. Иначе говоря, это означает, что «профессионализм» в обзоре печати, в конечном счете, в гражданственности авторской позиции. Этим качеством, на наш взгляд, обладают недельные телеобозрения в «Известиях» Ирины Петровской. К примеру, в обзоре «Добрый вечер, долгоносики!»¹ она размышляет о передачах, с ужасающей быстротой заполняющих чуть ли не все каналы: «Добрый вечер!» с Игорем Угольниковым и «Шоу долгоносиков» на РТВ, «Час совы» на новом канале СТС, «Поехали» на ОРТ и другие. Передачи вроде разные, но их многое сближает: антураж, с каким они подаются; заранее заученные сценарии и плоские шутки, неуважительное отношение к приглашенным гостям и, главное, — «ощущение пустоты, возникающее во время и после эфира». Автор подробно, в деталях демонстрирует это действо, рассчитанное на простачков.

Обзор печати как особый вид обозрения живет, вызывая интерес у профессионалов-журналистов и в широкой среде читателей.

VI. СОДЕРЖАНИЕ ЖАНРА. ИСКУССТВО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

Категория «содержание» означает то, что составляет сущность изложенного, его смысл. Журналистские выступления пишут и публикуют ради его содержания. Неинтересно в газете, на радио или в телепередаче то, что бессодержательно.

Эта категория не имеет жанровой привязанности. По содержанию различаются не жанры, а одно произведение от другого. У каждого свое содержание. Здесь, на мой взгляд, уместно подвергнуть сомнению довольно устойчивое заблуждение, миф о том, что мастерство журналиста зависит от владения им тем или иным жанром. Жанр сам по себе *не квалифицирует* произведение, то есть не дает представления о качестве публикации. О каком бы жанре не шла речь, на практике можно встретить не только хорошие, но и плохие заметки, плохие очерки, плохие обозрения. Плохие — значит жанровые особенности в них сохранены, а по содержанию они не удались.

Как в любом жанре, главное в обозрении — его содержание: *что сказано* читателю. Оно зависит прежде всего от интеллекта пишущего, от его способностей к журналистскому видению жизни, от публицистического таланта. Как, скажете вы, выходит жанр вообще не причем. Ошибаетесь, между жанровыми особенностями, о которых вели речь и содержанием выступления глубокая диалектическая связь и зависимость.

Пренебрежение жанровыми особенностями всегда чревато: даже в случае, когда вам есть, что сказать, есть, чем поделиться с читателем, вы не сможете это донести до него, если проигнорируете жанровые особенности, если не прибегнете к системе фактов-аргументов.

Вместе с тем следует помнить, что обозрение — жанр не простой, очень сложный именно в содержательном смысле. Его автору приходится разбираться в коллизиях чрезвычайно сложных, противоречивых. Чтобы не просто обозреть происходящее, но и вскрыть прожитое, пережитое, «увидеть умом», нужен не малый жизненный и журналистский опыт, а, главное, выработанная привычка и обязанность каждодневно обдумывать житье, чтобы иметь собственный взгляд на происходящее, причем такой, который стал бы для читателей авторским откровением, давал бы им пищу для собственных раздумий. Всякое творчество измеряется по его вершинам. В публицистике такой вершиной является авторская позиция, его личное мнение.

Самая большая беда, когда автор берется за обозрение, сам не зная, чем поделиться с читателем, когда конкретный анализ действительности подменяет общими разглагольствованиями, раскачивается мыслью, как верба на ветру. Так случилось с обозрением «Миллион с копейками» *[из архива автора]*. Так пренебрежительно отозвался знакомый автора о своем заработке на семью из четырех человек. Одно, два аналогичных заявления подвело журналистку к синонимичным понятиям «прожиточный минимум» и «стоимость жизни». Но, едва успев обозначить их экономический смысл, она уже качнулась в другую сторону: «У всех людей запросы очень разные: один не может прожить без сладкого или без табака, другой — без своего «мерседеса». Связь с началом уже утрачена, но автора это не смущает, его мысли скачут дальше: «... сколько стоит человеческая жизнь вообще?...» Вон куда занесло. После перечня плоских, банальных ответов

на заданный вопрос («она дорога, — воскликнут акушеры и бизнесмены» и т.п.), обозревателя вдруг озаряет: жизнь-то уже имеет цену, она продается: «Услуги киллера стоят от 100 тысяч долларов и выше»..., «Девочка» на ночь — 500 долларов...» Обозрение заканчивается столь же глубокомысленным «советом»: «не задумываться о цене жизни. Просто жить». В одном выступлении — столько тем, но ни одна, к сожалению, по настоящему не рассмотрена. Спасибо редакции за рубрику, под которой материал опубликован: «Заметки хренолога».

Сравним это обозрение с другим — «Новые бедные» [*Печерских Е. «Новые бедные», или вымрут ли россияне, как динозавры? // Понедельник. 1996. № 42 (28.11-8-12)*], автор которого обратился к теме «прожиточного минимума» всерьез. Действующий ныне в России минимальный потребительский бюджет, оказывается, был установлен в 1992 году, его размер составляет 277 тысяч рублей. Нас тогда уверяли, что он просуществует короткий шоковый период реформирования. Прошло четыре года. Все ориентиры, на которые был рассчитан минимум утрачены; одна нынешняя стоимость проездного билета в трамвае съела 30 процентов прежней корзинки. Ситуация обострилась настолько, что Областная Дума взяла на себя инициативу и, вслед за Татарстаном рассмотрела проект Закона «О минимальном потребительском бюджете в Свердловской области». Научно обоснованный, он потянул на полтора миллиона рублей. Для сорока миллионов населения и сегодня такие деньги — звездная мечта. Как видим, тема актуальная, если браться за нее всерьез.

Труд обозревателя кропотлив и въедлив: не только восстановить и изучить события, глубоко их осмыслить, обмозговать, выстроить в уме их логический ряд, но и опереться на свойственный этому жанру метод — систему фактов-аргументов. Такую их совокупность, которая делает выступление единым целым, законченным, насыщенным. Работу обозревателя можно уподобить творчеству художника-мозаичника: он берет подручный материал, скажем, цветные стеклышки и лепит их на полотно — тут желтенькие, тут зелененькие, вначале даже не поймешь, что к чему, а закончит — перед нами истинное произведение искусства. Так и обозреватель: вроде кладет факты один к одному, один мазок фактов-аргументов к другому — и они работают, выявляя незаурядную авторскую мысль.

Вот у меня в руках интересная книга «В одной газете...». [Симонов К., Эренбург И. *В одной газете... Репортажи и статьи*. М., 1984.] В ней собраны публикации К.Симонова и И.Эренбурга. Вспомнились фронтовые годы: с каким нетерпением мы ждали каждую статью И.Эренбурга в «Красной звезде», зачитывались ею. По установившейся жанровой небрежности пока называю его выступления статьями, как и в изданном сборнике, хотя если вчитаться профессионально, то по большей части это не статьи, а «обозрения». Блестящие обозрения. Вот лишь одно из них — «Третья годовщина». [Там же. С. 112-115.] (Третья не для нас, а для Гитлера, с момента позорного мюнхенского сговора, когда Германия без боя прибрала к себе Чехословакию.) Обзорение опубликовано 27 августа 1942 года: вся война еще впереди, фашистам нанесен первый удар под Москвой. Позволим себе роскошь, вчитаться в текст этого произведения: хотя бы отрывками — ведь каждый отрывок — это сгусток фактов-аргументов, очередной мазок художника:

«Три года тому назад Германия бесновалась. Немцы в серо-зеленых обновках маршировали по улицам немецких городов. Бесноватый фюрер сулил близкую победу. «Война» — это слово пьянило немцев. Война им представлялась веселым пикником, прогулкой за парижскими безделками... Немцы хотели победить барабанами, речами Гитлера, военными парадом. Это была психическая атака против человечества»...

Как видим, на вооружении писателя только факты, масштабные правда — тема такая, главное же — говорящие, каждый — неотразимый авторский аргумент, вкладываемый им как кирпич в стену. Жаль, что приходится много сокращать:

«Первую годовщину войны немцы встретили весело: им мерещилась близкая победа... Правда, были и в первую годовщину вдовы. Но они терялись среди счастливых жен, хваставших французскими духами. Вдовам немецкие газеты говорили: «Нет победы без жертв». И немцы верили, что солдаты, погибшие по Фландрии, — последние жертвы Германии. Это были ее первые жертвы. Германия примеряла бальное платье для парада. Никто ей не сказал, что бальное платье придется переделать на саван».

Автор пишет о явлениях глобальных, но выражает их конкретными фактами, не впадая в пространные разглагольствования. Нельзя

не заметить, что впечатляют не только факты, но и выразительность слова, образность речи (бальное платье — на саван). Лексический строй произведения, его стилистика нами специально не рассматривается по причине понятной — это область самостоятельных знаний. Но, конечно же, говоря о мастерстве обозревателя, нельзя не видеть, что выразительность слова — неотъемлемая составляющая его искусства, как и острота авторской мысли и умелое владение фактами-аргументами. И.Эренбург — писатель, ему в чувстве слова не откажешь.

«По-другому встретили немцы вторую годовщину войны. Они все еще упивались победами, но некоторые немцы уже соображали, что из ста побед не сделаешь одной настоящей победы... Напав на Россию, Германия впервые встретила отпор. Напрасно немецкие генералы вглядывались в просторы, поджидая парламентариев с хлебом и солью. В немецкие танки впивались бутылки с горючим, и крестьянки Белоруссии поджигали хаты, в которых спали немецкие обозники. Немцы продвигались вперед, но они дорого оплачивали каждый шаг. Историк отметит, что Луцк обошелся немцам дороже Парижа и что легче было взять все Балканы, чем один Смоленск.

Теперь Германия встречает третью годовщину войны. «Мы в Пятигорске!» — вопит Геббельс. Конечно, далеко от Берлина до Пятигорска, но куда дальше от Пятигорска до победы. Прodelав тысячи верст, немцы не приблизились к победе.

Третий год был для Германии жестоким годом. В ноябре немцы ждали белых флажков капитуляции. Снег покрыл землю. Он принес не капитуляцию Москвы, но наступление Красной Армии. Олухи, привыкшие шагать вперед, побежали вприпрыжку от Ельца и Калинина. В Германию шли эшелоны с ранеными и обмороженными. Германию знобило от холода и страха. Редели немецкие дивизии. Пустели немецкие города»...

И.Эренбург, как видим, мастерски использует свойственную обозрению особенность: с каждым новым мазком фактов-аргументов авторская мысль доносится до читателя и выпукло, и красноречиво.

«Как встретим мы четвертую годовщину?» — размышляет меланхолик в немецкой газете «Франкфуртер цейтунг». Эти наглецы стали скромнее: в первую годовщину они не ломали

себе головы над будущим. Они тогда пили французское шампанское и кроили карту Европы. Теперь они спрашивают: какой будет четвертая годовщина войны?...

... Приближается день расплаты»...

Обращение к классике всегда поучительно. Читаешь этот текст и убеждаешься: *соединение журналистского видения жизни с конкретными жанровыми особенностями и выразительностью речи — нет более продуктивного пути в искусстве обозревателя.*

